

гическія стихотворенія пока не обѣщаютъ въ будущемъ ничего особеннаго. Намъ было бы очень пріятно ошибиться въ этомъ приговорѣ,—и мы первые вспомнили бы съ радостью о своей ошибкѣ, если бы Майковъ подарилъ русскую публику такими стихотвореніями, которыя обнаружили бы въ немъ столь же примѣчательнаго и столь же много обѣщающаго въ будущемъ современнаго поэта, сколько и антологическаго. Антологическая муза Майкова не ослабѣла ни въ силѣ, ни въ дѣятельности, и послѣ выхода книжки его стихотвореній публика прочла въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Библиотекѣ для Чтенія» нѣсколько прелестнѣйшихъ его стихотвореній въ любимомъ его антологическомъ родѣ, но они уже не возбудили въ ней прежняго восторга. А между тѣмъ—повторяемъ—они такъ же прекрасны, какъ и прежнія, въ доказательство чего достаточно привести изъ нихъ слѣдующее—«Барельефъ»:

Вотъ безжизненный отрубокъ
Серебра: стои его
И вмѣстительный мнѣ кубокъ
Слей искусно изъ него!
Ни Киридиныхъ голубокъ,
Ни медвѣдицъ, ни плеядъ,
Не лѣни по стѣнкамъ длиннымъ.
Нарисуй въ саду пустынномъ,
Между розъ, толпы менадъ,
Выжимающихъ созрѣлый
Налитой и пожелтѣлый
Съ пышной вѣтви виноградъ;
Вкругъ сидятъ умно и чинно
Дѣти передъ бочкой винной,
Фавны съ хмѣлемъ на челѣ,
Вакхъ подъ тигровою кожей,
И Силенъ румянорожий
На споткнувшемся ослѣ.

Зато вотъ еще одно изъ послѣднихъ стихотвореній Майкова, доказывающихъ, что чуть только выйдетъ онъ изъ сферы антологическаго созерцанія, какъ изъ его стихотворенія тотчасъ же ничего не выйдетъ:

Море бурно, небо въ тучахъ.
Онъ примчался на конѣ
Прямо къ брызгамъ водъ кипучихъ.
«Старый! чолнъ скорѣе мнѣ!»
И старикъ затылокъ чешетъ...
— «Полно, будетъ, господинъ!
Полно, баринъ (?), бѣса тѣшитъ (?),
Нашихъ въ морѣ не одинъ (?).
Пусть ихъ гибнутъ! Подъ водою
Рыбъ рыбы и гроба!
Знай, я Цезарь: а со мною
Мнѣ послушна и судьба!»

Странная фантазія—свести Цезаря съ русскимъ мужикомъ и заставить его объясняться до такой степени посредственными стихами...

«Сумерки», маленькая книжка Баратынского, заключающая въ себѣ едва ли не послѣднія стихотворенія этого поэта, тоже принадлежатъ къ немногимъ примѣчательнѣйшимъ явленіямъ по части поэзіи въ прош-

ломъ году. По поводу ея мы обозрѣли всю поэтическую дѣятельность Баратынского. Теперь же прибавимъ только, что едва ли это и дѣйствительно не послѣднія стихотворенія знаменитаго поэта; вотъ пѣса изъ «Сумерокъ», доказывающая это:

На что вы, дни? юдолюбный міръ явленья
Свой не измѣнить!
Всѣ вѣдомы и только повторенья
Грядущее сулить.
Не даромъ ты металась и кшпѣла,
Развитіемъ спѣша,
Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла,
Безсмертная душа!
И тѣсный кругъ подлунныхъ впечатлѣній
Сомкнувшая давно,
Подъ вѣянемъ возвратныхъ сновидѣній
Ты дремлешь; а оно
Безмысленно глядитъ, какъ утро встанетъ,
Безъ нужды ночь смѣня;
Какъ въ мракъ холодный вечеръ канетъ,
Вѣнецъ пустого дня!

Страшно чувство, которымъ внушено это выстраданное стихотвореніе! не общаетъ оно новыхъ и живыхъ вдохновеній, и лучше совсѣмъ не писать поэту, чѣмъ писать такія, напримѣръ, стихотворенія:

Сначала мысль воплощена
Въ поэмѣ сжатаго поэта,
Какъ дѣва юная темна
Для невнимательнаго свѣта;
Потомъ, осмѣлившись, она
Уже увертлива, рѣчиста,
Со всѣхъ сторонъ своихъ видна,
Какъ искусенная жена,
Въ свободной прозѣ романиста;
Болтуня старая, за тѣмъ
Она, подвѣмая крикъ нахальный,
Плодитъ въ полемикѣ журнальной
Давно уже вѣдомое всѣмъ.

Что, что такое? Неужели стихи, поэзія, мысль?..

Вышедшая въ прошломъ же году маленькая книжечка стихотвореній Полежаева, подъ названіемъ «Часы Выздоровленія», подала намъ поводъ въ отдѣльной критической статьѣ обозрѣть всю поэтическую дѣятельность этого замѣчательнаго поэта. Первая часть стихотвореній Бенедиктова, изданная въ 1835 г., достигла второго изданія въ прошломъ 1842 г. Наше мнѣніе объ этомъ поэтѣ извѣстно публикѣ.

Вообще прошлый годъ былъ не богатъ стихами, а будущій—это можно сказать смѣло—будетъ еще бѣднѣе... Лермонтова уже нѣтъ, а другого Лермонтова не предвидится... хоть совсѣмъ не пиши стиховъ... И ихъ въ самомъ дѣлѣ пишутъ или по крайней мѣрѣ печатаютъ теперь меньше. Столичные поэты сдѣлались какъ-то умѣреннѣе—оттого ли, что одни уже выписались, а другіе догадались, что стихи должны быть слѣшкомъ и слѣшкомъ хороши, чтобы ихъ стали теперь читать, не только хвалить... Зато господа провинціальныя поэты годъ отъ го-